

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	9
----------------------	---

ЗНАКОМСТВО С СЕДЬМЫМ ДНЕМ

Глава 1. Знакомьтесь: седьмой день	13
Основные положения	13
Разрыв	17
«Сужение»	20
Смысл седьмого дня.	22
Проблематика седьмого дня	26

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Глава 2. Начальные смыслы.	33
Первые впечатления	33
Анализ текста и его контекста	35
Смысловые аспекты седьмого дня в повествовании о творении	42
<i>Преднамеренный акт</i>	42
<i>Особая прерогатива</i>	44
<i>Указание на личностные качества</i>	46
<i>Фактор отношений</i>	48
<i>Выражение любви</i>	50
<i>Подтвержденное присутствие</i>	51
<i>Благословенный день</i>	52
<i>Знак откровения</i>	54
Глава 3. Потерянный рай.	62
История о коварном обмане	63
Внимая чуждому голосу	69
Седьмой день в контексте противоборства	75
Глава 4. Подражание Богу	83
Ключи к разгадке	84
Красноречивое молчание	87
Imitatio Dei	93
Глава 5. Седьмой день и свобода	101
Стремление к свободе	101
Превосходство седьмого дня	103

Свобода — не все так просто	107
Глава 6. Вынужденное повеление	118
Еще раз о контексте	118
Скрепляющий завет	121
Нарративные корни заповеди о субботе	125
Взаимность и призвание	130
Глава 7. Сила времени	135
Знамение и реальность	136
Знамение как памятка	139
Сила времени	142
Глава 8. Седьмой день и общественное сознание	150
Социальный фактор	150
Субботняя реальность	151
Пророки, справедливость и седьмой день	155
Опора для бедных	159
Общественная мораль	163
Глава 9. Пророческая ставка на субботу	170
Суббота в Книге пророка Исаии	171
Суббота и Божья верность	179
Суббота как пророческое наследие	182
Глава 10. Перекресток и обратный отсчет	188
Неемия и суббота	190
Суббота на перекрестке	192
Новый взгляд	198
Обратный отсчет до нового начала	202
 СЕДЬМОЙ ДЕНЬ В НОВОМ ЗАВЕТЕ	
Глава 11. Суббота и Христово служение исцеления	211
Исцеление в субботу	212
Субботные исцеления как подоплека противостояния	215
Субботные исцеления и личность Иисуса	220
Субботные исцеления и характер Божий	224
Глава 12. Суббота и наибольшая заповедь	238
Кто он — фарисей?	238
Серьезный вопрос	241
Наибольшая заповедь и суббота	249
Глава 13. Павел и кризис в Галатии	257
В попытке понять Павла	257
Соблюдение особых дней	265

Значимые утверждения Павла в Послании к Галатам.	268
Суббота в Послании к Галатам	282
Глава 14. Загадочные «субботы» из Послания к Колоссянам	296
Колоссяне и суббота.	297
Суббота и весть, обращенная к колоссянам	307
Христос как Творец	308
Разоблачая начальства и власти	311
Глава 15. Остающееся субботство	319
До востребования	320
Послание к Евреям и личность Иисуса	321
Послание к Евреям и верность Божья.	323
Остающееся субботство	326
УТРАТА И ОБРЕТЕНИЕ: СЕДЬМОЙ ДЕНЬ В ПОСТБИБЛЕЙСКУЮ ЭПОХУ	
Глава 16. От субботы к воскресенью	337
Многослойная картина	338
Конец иудейского влияния.	342
Менее заметные факторы	352
Глава 17. Непримилимые разногласия	359
Эллинизм как препятствие.	360
Через призму Филона Александрийского	363
Непримилимые разногласия.	365
Без благодати.	369
Глава 18. Отвергнутое творение	375
Отчуждение от творения.	376
«Черная смерть» как парадигма	378
«Черная смерть» как поворотная точка	382
Глава 19. Господствующий над ничтожным	389
Тертуллиан как особый случай	390
Умаленное владычество	393
Устойчивый разрыв	396
Глава 20. Свидетельство в пользу веры	405
Свидетельство природы	406
Устраняя знание	408
Наблюдатель и мир	411
Высокое значение частных	417
Глава 21. От часов, запущенных при Творении,	
к механическим часам	424
Механические часы	425

Крепкая хватка «механического» времени	428
Возврат к «природному времени»	431
Глава 22. Неслышимый голос земли	438
Внимая голосу земли	446
Чаяния земли.	448
Глава 23. Сотворение мира и новое творение	455
Сотворение мира и новое творение как обрамляющие события	456
«Во мгновение ока»	461
«Мертвые воскреснут нетленными»	465
«Смерть! где твое жало?»	467
Глава 24. Утраченный смысл седьмого дня	474
Суббота как произвольное установление	475
Границы «естественного закона»	483
«Забудет ли женщина?» (Ис 49:15)	490
Глава 25. Суббота и имперский идеал	502
Имперское правление	502
Имперское богословие	506
Неимперское богословие	509
Глава 26. Противостояние знаков	517
Вселенский конфликт	518
Противостояние знаков	520
История Божья	522
История дракона	527
Завершение.	534
<i>Первый ангел</i>	536
<i>Второй ангел</i>	540
<i>Третий ангел.</i>	542
Верность Иисуса	553
Печать и имя	555
Глава 27. Дух седьмого дня.	563
Утрата и возвращение утраченного	564
Песнь на день субботний	568
Верность Божья в Иисусе	573
Библиография	580
Библейский указатель	621

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой день — это жизненный опыт, личное переживание, а не только история или богословие. Об этом очень хорошо сказано у таких широко известных иудейских авторов, как Авраам Джошуа Хешель и Пинхас Пели. Но и среди христианских исследователей есть люди, призывающие к возрождению субботы, к примеру Марва Доун и Дороти Басс. Они стремятся отыскать утраченное некогда сокровище, вытащить его на свет, сделать значимым для нашего времени. К их глубоким размышлениям и призывам я добавлю несколько мыслей, являющихся плодом моего личного опыта.

Я рос в глубинке, в сельском доме без особых изысков и удобств. В будние дни наша повседневная жизнь была сосредоточена на кухне. У нас была большая столовая, но в течение недели из соображений экономии она не отапливалась, и дверь в нее была просто-напросто закрыта. Но зато в субботу ее распахивали настежь, и столовая превращалась в домашнюю церковь или синагогу, в своего рода «храм во времени», по меткому выражению Хешеля. Первая часть субботы в нашем доме проходила за изучением древних текстов. На резвого мальчугана, каким я был, эти занятия порой навевали скуку, но зато на всю оставшуюся жизнь я проникся почтительным отношением к древним текстам, хорошо усвоив, что Библия стоит углубленного изучения. Кроме того, мою скуку скрашивало ожидание субботнего обеда, ставшего притчей во языцех среди моих друзей, которым соблюдение субботы было чуждо. У них как будто было особое чутье на обед, так как они частенько появлялись как раз в тот момент, когда изучение древних текстов подходи-

ло к концу. Если выбирать, кто больше способствовал повышению значимости седьмого дня — мой отец, заставлявший нас изучать древние книги, или моя мать, умудрявшаяся создавать шедевры кулинарного искусства несмотря на нашу ограниченность в средствах, я отдаю предпочтение матери.

В Осло, в Норвегии, где я более десяти лет прослужил пастором в одной из церквей, мне посчастливилось пережить немало драгоценных мгновений, связанных со служением и общением с людьми в седьмой день. Проводя библейские уроки или проповедуя с кафедры, я имел возможность опробовать и озвучить самые разные толкования библейских текстов, включая те, что мы рассмотрим в этой книге. Я хочу поблагодарить членов и гостей моей общины за свободный обмен мнениями, за совместное изучение священных страниц и за сдержанность в суждениях, которая так нужна всякому читателю Библии. В течение всех этих лет никто в нашей общине не исследовал Библию так ревностно и с такой отдачей, как моя сестра Сольвейг, а в умении готовить незабываемые субботние обеды моя супруга Серена превзошла даже мою матушку.

Я довольно долго шел к академическому исследованию Библии, но зато у меня были замечательные учителя, которые смягчили негативные последствия такой задержки. Я очень многим им обязан. Об их вкладе в мое образование можно будет судить по ключевым моментам этой книги. Я почитаю за великую честь, что мне довелось учиться под руководством Е. П. Сандерса, Ричарда Б. Нэйса, Брюса Лонгенекера и Ричарда Бокэма. Эти наставники могут и не разделять моего интереса к седьмому дню или не соглашаться с моими выводами, но от этого моя благодарность им не становится меньше.

Среди богословов, принадлежащих непосредственно к моему церковному сообществу, я более всего обязан покойному Роберту Дарнеллу, а также Ивану Блазену, Джону Паулину и Грэму Максвеллу.

Я хотел бы выразить благодарность издательству Университета Эндрюса за то, что они решились издать мою книгу, и Деби

Еверхарт, редактору этого издательства, за ее обходительность, терпение и кропотливую работу над текстом. Кроме того, я хочу поблагодарить Кена Уэйда за его редакторскую вычитку и полезные советы.

В четвертой части данной книги, рассматривая отношение к седьмому дню в постбиблейский период, я исследую понятия, которые с некоторой натяжкой можно обозначить как «разъединения» или «разрывы». Два таких «разрыва» особенно важны — это брешь, образовавшаяся между христианским сообществом и верующими иудеями, а также размежевание в христианских воззрениях на тело и землю. Пониманием основных доктрин, сделавших возможным данное размежевание, я обязан своему другу и наставнику — ныне покойному Карстену Джонсену. Он учил, что на христианском отношении к материальному миру самым губительным образом сказалась философия Платона. Я полностью разделяю это убеждение своего первого наставника, которого мне сильно не хватает. По этой причине я посвящаю эту книгу его памяти.

На осуществление замысла данной книги у меня ушло много лет. В самом его начале, когда обе мои дочери были маленькими и всегда находились рядом, меня не оставляло досадное ощущение, что их детство и юность слишком скоро уступят место зрелости и наше семейное гнездо опустеет. Ныне, оглядываясь назад, могу сказать, что работа над данным проектом, которая некогда отнимала время, принадлежавшее моим дочерям, в их отсутствие стала для меня источником утешения. Время, посвященное изучению этой темы, в определенном смысле стало временем, проведенным в общении с ними.

Пожалуй, я попробую объяснить эту мысль еще раз. Если бы меня попросили истолковать значение седьмого дня «от обратного», то есть отталкиваясь от противоположного понятия, то прежде надлежало бы определить это противоположное понятие, и таким понятием, на мой взгляд, служит разделение. Разделение, быстротечность, разрыв и отсутствие — со всем этим сталкивается в своей жизни каждый человек. С помощью этих

понятий вполне можно описать то, что находится за пределами седьмого дня. Суббота, напротив, означает единение вместо разделения, постоянство вместо быстротечности, целостность вместо разрыва и присутствие вместо отсутствия. В моем понимании седьмой день затрагивает область глубочайшей экзистенциальной нужды, которая то и дело обнажается в силу непрерывных разрывов и разлук, происходящих в жизни человека. Я вижу в седьмом дне противоядие от разделения и размежевания и благодаря этому ощущаю присутствие своих дочерей даже тогда, когда они далеко. Действительнее этого средства может быть только заложенная в концепции субботы исходная посылка, согласно которой разделение противоречит Божьим намерениям, и однажды ему будет положен конец.

Седьмой день — это антипод разделения, которое я воспринимаю как очевидную реальность, не требующую доказательств.

Глава 1

ЗНАКОМЬТЕСЬ: СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

Знамений наших мы не видим, нет уже пророка, и нет с нами, кто знал бы, доколе это будет (*Пс 73:9*).

Седьмой день можно уподобить древней амфоре, погребенной в песках времени и хранящей в себе сокровища. Нам трудно судить о причинах, приведших к утрате этой амфоры, зато мы можем попробовать предсказать, что будет, если ее содержимое извлечь на свет. Седьмой день вновь заговорит на своем родном языке — на языке благословения (Быт 2:1–3). Он прольет свет на самый главный вопрос человеческого бытия, так как высветит суть того, что значит быть человеком. Он не обойдет стороной самый сокрушительный и горький аспект человеческого существования, ведь его предназначение в том и состоит, чтобы выражать собой Божье присутствие в то время, когда люди крайне остро ощущают Его отсутствие. Это утверждение, на первый взгляд несколько преувеличенное, покажется вполне уместным, если вспомнить происхождение седьмого дня, драматичный разрыв в его истории и «сужение», утвердившееся в силу разрыва.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Бог — вот основное содержание седьмого дня, его суть. Как и в случае со свитками Мертвого моря, пролежавшими несколько тысяч лет в глиняных сосудах, содержимое нашей «амфоры»

достойно большего внимания, чем сам сосуд. Посему, когда мы говорим об утраченном значении седьмого дня, то мы имеем в виду именно то его значение, которое связано с Богом. Седьмой день обращает наше внимание на то, что более важно,

В Библии седьмой день представлен как высшая точка и кульминация акта творения, утверждающая Божье присутствие в центре человеческого бытия

чем он сам. Впрочем, в отличие от сокровищ, погребенных в земле, седьмой день не станет ждать, пока кто-нибудь его раскопает и осознает его ценность и благословенную природу. Для Бога характерно первым делать шаг на встречу, и наш случай — не исключение. Седьмой день в наше время мало-помалу восстает из руин скорее силой своего неизменного значения, чем в ответ

на чаяния пустыни, в песках которой он погребен. Священное время тихо нашептывает всем, кто суется под его обширным покровом, что нужно остановиться и принять этот все усиливающийся свет¹.

В Библии седьмой день представлен как высшая точка и кульминация акта творения, утверждающая Божье присутствие в центре человеческого бытия (Быт 2:1–3). Когда израильтяне вышли из жестокого египетского рабства, седьмой день был выделен особо как знак свободы и достоинства (Исх 16:1–30). В Десяти заповедях, охватывающих основные этические нормы и принципы жизни (Втор 22), седьмой день служит своего рода биллем о правах для всех Божьих тварей — не только для людей, но и для прочих живых существ (Исх 20:8–11; Втор 5:12–15). Соблюдение этой заповеди представлено как привилегия; хотя в ней и просматривается обязательность, все же ее ключевой посыл — подражание Творцу (Исх 20:11). Кроме того, седьмой день выступает в роли знамения между Богом и человеком, предписывающего тому, кто его соблюдает, поступать в отношениях с людьми так, как поступает с ними сам Бог

(Исх 31:12–17). Мысль о том, что заповедь о седьмом дне носила временный характер и предназначалась только для представителей определенной этнической группы, а именно для евреев, опровергается пророком Исаией. Эта мысль является ключевым моментом в видении об иноплеменниках, присоединившихся к Божьему народу (Ис 56:1–8), непременным условием будущего возрождения (Ис 58:12–14) и даже одной из особенностей жизни на новой земле (Ис 66:23).

В Новом Завете седьмой день занимает настолько важное место в служении исцеления, которое совершал Иисус, что даже можно говорить о его определяющем значении: он был фоном и отправной точкой для намерения Иисуса исцелить того или иного человека (Мк 3:1–5; Лк 13:10–17; Ин 5:1–9; 9:1–14). В синоптических Евангелиях смерть Иисуса явным образом привязана по времени к началу седьмого дня. Авторы этих Евангелий сочли важным подчеркнуть, что Он умер «в девятом часу» (Мф 27:46; Мк 15:34; Лк 23:44). Конечно, это можно расценить как случайное совпадение и заявить, что Он мог с тем же результатом умереть вечером во вторник или четверг. Но все же Он умер именно в пятницу вечером, в силу чего в Его смерти виден неподражаемый признак Божьего деяния. Смерть Иисуса укладывается в схему, по которой было выстроено первоначальное творение (Быт 2:1–3). Таким образом, читатель синоптических Евангелий побуждается к тому, чтобы рассматривать Его смерть как событие, представляющее собой часть масштабного, разворачивающегося у него на глазах плана. Выбор времени, сам «хронометраж» этого события отождествляет Иисуса с Богом и возвещает о непреложности Его искупительных намерений и об их осуществлении.

В Евангелии от Иоанна, где временные рамки прописаны столь же четко, как и в синоптических (Ин 19:14, 31), мы слышим, как Иисус восклицает на кресте: «Совершилось!» (Ин 19:30). Это было последнее произнесенное Им слово. Сразу после этого Иисус склонил голову и испустил дух. Однако это восклицание даже более, нежели сама хронология, напоминает о кульмина-

ции акта творения в книге Бытие (Ин 19:30; Быт 2:1–3). Слово, произнесенное на кресте, взято с первых страниц Священного Писания, где говорится о седьмом дне; оно возвращает нас к его изначальной форме и смыслу. Как и в синоптических Евангелиях, это восклицание позволяет нам отождествить Иисуса с личностью единого Бога. Во время сотворения и в описанной Иоанном смерти Иисуса действует один и тот же Субъект. В этом вопросе проявляют единодушие все четыре евангелиста; все они видят в смерти Иисуса событие того же ряда, что и сотворение мира.

Последние две главы Откровения, завершающие библейское повествование, представляют собой зеркальное отображение рассказа о сотворении (Откр 21, 22); в них описана земля, восстановленная до состояния, в котором она пребывала по окончании недели творения. Все эти составляющие (из Нового Завета даже более, чем из Ветхого) наделяют седьмой день особым ореолом.

Но это, разумеется, еще не все. Есть люди, настаивающие на том, что седьмой день был давным-давно погребен в безымянной могиле. Согласно их версии, когда на исторической сцене появился Иисус, седьмой день оказался обречен на забвение. Жизнь Христа, Его смерть и воскресение сделали седьмой день неактуальным, позволив последователям Иисуса (и даже подтолкнув их) выбрать себе другой символ, принявший на себя функции седьмого дня. По мнению этих людей, сколь бы ни был велик тот вес, который приписывает седьмому дню Библия, христианство в качестве знамения новой веры было вправе либо принять первый день недели, либо отказаться от какого бы то ни было дня вовсе².

Данная книга призвана выявить утраченное значение седьмого дня, а не только установить факт этой утраты. Предвкусывая выводы, хочу подчеркнуть, что мы формируем неверное представление о характере седьмого дня, если рассматриваем его как национальную или религиозную метку идентичности, а не как богословское утверждение. Он составляет неотъемле-

мую часть библейского учения и потому не останется в вечном небрежении. Он должен вновь заявить о себе во исполнение той миссии, которую определил ему Бог; он не может оставаться в вечном изгнании.

Историю учения о седьмом дне можно условно разделить на три части: 1) седьмой день в Ветхом Завете, 2) седьмой день в Новом Завете и 3) вопросы постбиблейского периода, вызванные забвением седьмого дня. Три этих раздела как раз и составляют содержание настоящего исследования. Материальные вопросы более сложны, но и здесь тоже у нас наличествуют три основных элемента. Можно сформулировать их следующим образом: 1) отчуждение между христианами и иудеями, 2) размежевание христианства с материальным миром и 3) богословская глубина, свойственная седьмому дню.

**МЫ НЕВЕРНО ПОНИМАЕМ
СЕДЬМОЙ ДЕНЬ, ЕСЛИ
РАССМАТРИВАЕМ ЕГО
КАК НАЦИОНАЛЬНУЮ
ИЛИ РЕЛИГИОЗНУЮ МЕТКУ
ИДЕНТИЧНОСТИ,
А НЕ КАК БОГОСЛОВСКОЕ
УТВЕРЖДЕНИЕ**

РАЗРЫВ

С самого начала христианской эры между христианским сообществом и иудеями образовалась серьезная брешь. Риторика Игнатия Антиохийского, писавшего не позднее первого десятилетия II века нашей эры, обнаруживает явные признаки антииудаизма³. И неважно, пытался Игнатий увязать христианскую веру с поклонением в воскресный день или нет (как полагают многие исследователи⁴, он лишь хотел подорвать авторитет седьмого дня и через это — авторитет всей иудейской веры⁵). В любом случае, антииудейская направленность писаний отцов христианской церкви — это общепризнанный факт.

В последующие века эта брешь между христианами и иудеями выросла до размеров пропасти, так что первоначальные умеренные по своему характеру намеки Игнатия Антиохий-

ского оказались лишь предвозвестием потоков брани, которые христиане обрушили на головы иудеев впоследствии. Между иудеями, издревле поклонявшимися в седьмой день, и христианами,

**АНТИИУДЕЙСКАЯ
НАПРАВЛЕННОСТЬ
ПИСАНИЙ ОТЦОВ
ХРИСТИАНСКОЙ
ЦЕРКВИ — ЭТО
ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ
ФАКТ**

соблюдавшими с недавних пор воскресенье, пролегла пропасть отчуждения, при том, что и те, и другие основывали свою веру на древнееврейском Писании и поклонялись одному Богу. Неприязнь христиан по отношению к иудеям не ослабевала на протяжении многих столетий⁶. Не Мартин Лютер посеял семя антисемитизма, но нельзя -

не признать, что он обильно полил его, после чего оно дало буйные всходы. По его собственным словам, он рассчитывал снабдить христианина «достаточными средствами, чтобы он не только мог защитить себя от ослепших в своей ненависти иудеев, но и стал врагом иудейской злобы, лжи и богохульства и понимал, что их вера лжива и что они обладаемы всякого рода бесами»⁷. Стоит ли удивляться тому, что идеологи Холокоста искали обоснование своему стремлению избавить мир от евреев в пламенной риторике Лютера.

Сколько бы мы ни старались осмыслить Холокост без учета очернения иудеев христианами, у нас не получится этого сделать. Существует явная связь между конфликтом христиан с иудеями, которое проявило себя еще на заре христианской эры, и тем, что многие считают величайшим злодеянием в истории человечества⁸. В подтверждение тому что христианская церковь — не просто сторонний наблюдатель в этом процессе, иудейский исследователь Нового Завета Самуил Сандмель, среди массы других примеров, рассказывает о своей матери, которая замирала от безотчетного страха всякий раз, когда слышала звон церковных колоколов, даже после их переезда в Соединенные Штаты, потому что, по словам Сандмеля, «погромы в восточной Европе, от которых бежали мои родители, начинались с боя церковных колоколов»⁹. Признавая тесную связь между

символом и реальностью, о чем ниже будет сказано более подробно, следует отметить, что отказ от седьмого дня в христианской вере и практике указывает на определенную грань в идеологии и на задействованные в этом процессе силы. С самого начала этого процесса христиане усвоили снисходительный и унижительный тон в отношении иудеев, обращаясь с ними с позиции силы, принуждая их ко крещению, осуществляя погромы и конфискации имущества, сгоняя с насиженных мест. Все эти устремления достигли своей кульминации в проекте, известном как «окончательное решение еврейского вопроса».

Такого рода взгляд на Холокост требует самоанализа и переоценки ценностей; он побуждает к богословским приоритетам, в которых виден явный изъян. Даже если фашистская идеология и не была вызвана христианским антисемитизмом, мы сталкиваемся лицом к лицу с соображениями и чувствами, проявившими свое бессилие пред лицом зверств, совершенных против иудеев. Исследователи, считающие Холокост поворотным событием, считают, что христианству необходимо заново проанализировать свои шаги, приведшие к столь прискорбным последствиям¹⁰. Они, по сути, ищут новый критерий, с помощью которого можно будет отделить то, что по-настоящему важно, от того, что менее важно в христианской вере. Как сказал исследователь Ветхого Завета Рольф Рендторфф, «что-то пошло не так с самого начала»¹¹. Даже если и отыщется некий спасительный путь, то Холокост, увы, уже не исправить. Но все же христианство, хоть и с опозданием, встанет на путь примирения и возврата к истокам. Настоящее исследование как раз и призвано провести такого рода анализ для того,

**ДАЖЕ ЕСЛИ ФАШИСТСКАЯ
ИДЕОЛОГИЯ И НЕ БЫЛА
ВЫЗВАНА ХРИСТИАНСКИМ
АНТИСЕМИТИЗМОМ,
МЫ СТАЛКИВАЕМСЯ
ЛИЦОМ К ЛИЦУ
С СООБРАЖЕНИЯМИ
И ЧУВСТВАМИ,
ПРОЯВИВШИМИ СВОЕ
БЕССИЛИЕ ПРЕД ЛИЦОМ
ЗВЕРСТВ, СОВЕРШЕННЫХ
ПРОТИВ ИУДЕЕВ**

чтобы посмотреть на сложившееся положение через призму седьмого дня и выяснить, что же пошло не так.

«СУЖЕНИЕ»

Библия начинается с акта творения, но у христианского богословия на протяжении многих веков были иные приоритеты. Для Герхарда фон Рада главенствующей темой в Ветхом Завете является избрание Израиля. Акцент на избрании Израиля низводит творение до уровня приложения или своего рода придатка к более весомой и важной библейской концепции спасения человечества¹². «История спасения» — это ключевое понятие и главная тема в данном понимании, по отношению к которой история творения всего лишь пролог¹³. Затем, существенно пересмотрев свои взгляды, ведущие исследователи Ветхого Завета стали рассматривать творение не как пролог, но как предпосылку, на которой выстроена вся остальная конструкция. «Учитывая все факторы, доктрина творения, а именно вера в то, что Бог сотворил и поддерживает в нынешнем виде мироустройство во всех его аспектах, — это отнюдь не второстепенная, но фундаментальная тема библейского богословия»¹⁴. Клаус Вестерманн признает, что, когда богословие обособливается от творения, «оно, хотя и не сразу, неизбежно превращается в антропологию и начинает разваливаться изнутри и обрушиваться вокруг нас»¹⁵. Вряд ли кто-то станет отрицать, что именно так все и произошло.

Экологический кризис, вынудивший богословов отступить от укоренившихся допущений и приоритетов, в определенной мере вызван самим богословием. Более того, он уходит корнями вовсе не в Просвещение, не в теории, пытающиеся воспроизвести эволюцию Библии, и даже не в возникновение эволюционной теории происхождения мира. Это последний отголосок христианской «приливной волны», которой, в общем-то, было нечего сказать по поводу человеческого тела

и материального мира. При этом христианство настойчиво предлагало спасение человеческой души. Вместе с экологическими последствиями сузившихся христианских интересов наступил момент истины. Как отмечает Венделл Берри, разделение «души с телом и с землей — это не болезнь меньшинства, не помрачение ума, но трещина, которая проходит через ментальность организованной религии подобно геологическому разлому»¹⁶.

Находясь в эллинистической среде тех времен, ранняя церковь восприняла дуалистический взгляд на реальность, сосредоточенный на душе и принижающий тело. Уход из мира, который выбирали для себя далеко не все христиане, стал к V столетию настоящим христианским идеалом. Считалось, что воистину посвященной жизнью жили монахи, которые, всецело отрешившись от мира сего, сняли с себя бремя забот о теле и о земле. По имеющимся данным Пахомий Великий, один из первых монахов, основал одиннадцать монастырей в верхнем Египте. Когда он умер в 346 году нашей эры, у него уже было около семи тысяч приверженцев. По прошествии менее ста лет Иероним Стридонский утверждал, что в ежегодном съезде одного только ордена Пахомия Великого участвовало около пятидесяти тысяч монахов.

Впрочем, не так уж важно, сколько их было, главное — их идеология, принижающая тело и потому резко отличающаяся от идеологии Ветхого Завета, утверждающей бережливое отношение к земле и объемлющей сей мир. Христианское богословие XX века, ставившее спасение выше творения, не отличалось новизной, но было продолжением давнишнего уклона. Богословам, решившимся заново проанализировать его историю, не стоит списывать все на фактор эпохи Просвещения. Более того, в своих попытках восстановить утраченные смыслы они непременно наткнутся на жизнеутверждающие идеи, произрастающие из учения о седьмом дне.

**СОВРЕМЕННЫЙ
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
КРИЗИС
В ОПРЕДЕЛЕННОЙ
МЕРЕ ВЫЗВАН
ХРИСТИАНСКИМ
БОГОСЛОВИЕМ**

СМЫСЛ СЕДЬМОГО ДНЯ

В контексте описанных выше «разрыва» и «сужения» нам по-прежнему нужен некий элемент в современной жизни, с которым можно было бы сопоставить седьмой день — аналог, который облегчил бы нам переход от знакомого к неизвестному. При том что сегодня нет такого понятия, которое в полной мере отвечало бы предъявляемым нами требованиям, приблизительно ту же роль, что и седьмой день, в современном обществе выполняет флаг — если не по смыслу, то хотя бы по функции. Как и флаг, седьмой день относится к подразумеваемой, основополагающей реальности, он — ее часть. Если еще немного расширить эту аналогию, можно сказать, что отказу от седьмого дня следует противиться так же, как и замене флага страны, которую мы любим и которой дорожим.

Символическую функцию флага и — опосредованно — ту же функцию седьмого дня наглядно разъясняет Пауль Тиллих, немецкий богослов, который бежал из своей страны в Соединенные Штаты, спасаясь от нацистского террора. Тиллих не преминул провести различие между знаками и символами. По его словам, «знаки не участвуют в реальности, на которую указывают, чего нельзя сказать о символах»¹⁷. В применении к седьмому дню это означает, что символ, будь то флаг или седьмой день, нельзя заменить без соответствующей перемены в «основной» реальности. Тиллих, хотя его богословие и не пользуется сегодня большой популярностью, с немалой долей пронципальности отмечает, что «флаг причастен к силе и достоинству государства, символом которого он является. Посему поменять его можно лишь в случае исторической катастрофы, кардинально меняющей положение дел в государстве»¹⁸.

Ярким подтверждением этой мысли служит история флага Соединенных Штатов. Его история началась с простой записи в журнале Конгресса от 20 мая 1776 года: «ПОСТАНОВИЛИ: флаг Соединенных Штатов состоит из тринадцати чередующихся полос красного и белого цвета и тринадцати белых звезд

на синем поле, представляющих новое созвездие»¹⁹. В этом ярком символе были отражены сущность и отличительные черты нового члена семьи народов. В декларации, изданной при образовании этого «нового созвездия», отцы-основатели Соединенных Штатов исходили «из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»²⁰.

Неудивительно, что Конфедерация южных штатов, вступив в гражданскую войну с северными штатами, отправляла свои войска в бой под собственным флагом — звездным трехполосным. Используя этот символ, Конфедерация обозначила решительный разрыв отношений с остальной частью страны, подтвердив, с одной стороны, что флаг можно поменять «лишь в случае исторической катастрофы, кардинально меняющей положение дел в государстве, которое он символизирует»²¹, а с другой — что флаги действительно меняют при подобных обстоятельствах. И все же оба флага были достаточно схожи, что явно указывало на их общее происхождение. На самом деле конфедераты утверждали, что их вариант более близок к первоначальному идеалу, отвергая обвинение в том, что он отражает реальность скомпрометированную и разоблаченную.

После Гражданской войны флаг вобрал в себя суть и дух всего, что происходило при воссоединении и новом рождении нации. Старый флаг как символ в ходе Гражданской войны наполнился новым смыслом, впитавшим в себя память о добытых величайшим трудом победах, а также чаяниях и устремлениях, вдохновлявших страну в прошлом и служивших ориентиром на будущее. При всем этом если отцы-основатели были создателями нового народа, то Авраам Линкольн, человек, появившийся на арене истории, когда северным штатам и их идеалам угрожала смертельная опасность, стал известен как «президент-избавитель»²².

В данном контексте необходимо отметить, что избавление как событие в истории американского народа отнюдь не про-

тиворечило и не противопоставлялось созданию государства. История Соединенных Штатов показывает, что «творец» в лице отцов-основателей и «избавитель» в лице президента Линкольна действуют заодно. Линкольн не стал ниспровергать достижения своих предшественников; освободив народ от рабства, он продолжил их дело, благодаря чему сохранил Соединенные Штаты. В знак этой преемственности был сохранен и флаг.

Подобным образом и в библейском повествовании, связанном с седьмым днем, есть два решающих момента — творение и жизнь Иисуса Христа. Седьмой день был изначально выделен среди прочих как кульминационный день творения, воплощавший в себе Божий идеал и выступавший в качестве символа реальности Божьего Царства (Быт 2:1–3). Можно ли сравнить его с американским флагом и сказать, что Избавитель Иисус спасает оказавшийся в опасности идеал творения, как и Линкольн, президент-избавитель, выступил ради спасения своей страны? В случае с Линкольном сохранение единого государства вызвало необходимость сохранения и наполнения новым смыслом государственного флага. Но какие же последствия имеют для седьмого дня жизнь и смерть Иисуса?

Если касаться вопроса о том, был ли отменен седьмой день в результате совершенного Христом искупления, то в библейском повествовании наличествует элемент, которого нет в истории Соединенных Штатов. Новый Завет настаивает на том, что Искупитель — это не кто иной, как Творец (Ин 1:3; Кол 1:16). Да, избавитель Линкольн спасает дело отцов-основателей, но при этом сам он не имеет никакого отношения к основанию государства. Иисус же — Творец и Спаситель в одном лице. Если Иисус-Спаситель искуплением полагает конец седьмому дню, то нам придется признать, что Он тем самым уничтожает то, что было создано Самим Богом.

Нельзя не отметить, что перемены в жизни того или иного народа, в то числе и достаточно серьезные, не *всегда* ведут к смене флага. Вместо этого те, кому флаг дорог, могут разойтись

во мнениях относительно смысла, который в нем заключен. В своих крайних проявлениях эта борьба может привести к отказу от прежнего идеала, в результате чего флаг станет отражением идеологии, совершенно отличной от той, что он выражал с самого начала. Другими словами, символ и та идея, которая была изначально в него заложена, могут разойтись. Это расхождение может происходить незаметно и принимать самые разные формы, о чем и напоминает нам Александр Солженицын в своей знаменитой лекции, прочитанной в Гарварде в 1978 году: «Некоторые из вас уже знают, а другие узнают на протяжении жизни, что Истина мгновенно ускользает, как только ослабляется напряженность нашего взора, — и при этом оставляет нас в иллюзии, что мы продолжаем ей следовать»²³.

Символы, будь то флаг или что-то еще, не могут сами по себе поддерживать и подкреплять те смыслы, которые вкладывают в них их поборники. Символ может отделиться от идеала, который по замыслу он должен был олицетворять, превратившись в символ некоей иллюзии. История народов и их флагов насыщена идеологической борьбой и жаркими спорами по поводу того, какие идеалы должны олицетворять та или иная страна и ее флаг. В эту же категорию попадают и описанные в Новом Завете конфликты между Иисусом и Его критиками о значении седьмого дня. Символ в подобных случаях должен принимать удары и вбирать в себя боль от разгоревшейся борьбы в надежде на то, что в конце ему все-таки удастся возобладать, иначе придется признать поражение оспариваемого идеала вплоть до того, что этот флаг станет символом чуждых устремлений и ценностей.

**ТВОРЕНИЕ И ЖИЗНЬ
ИИСУСА ХРИСТА —
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ
БИБЛЕЙСКОГО
ПОВЕСТВОВАНИЯ,
СВЯЗАННОГО
С СЕДЬМЫМ ДНЕМ**

ПРОБЛЕМАТИКА СЕДЬМОГО ДНЯ

Человеку, положительно настроенному на восприятие библейского повествования, сразу бросается в глаза, что пути иудаизма и христианства разошлись не случайно. Что-то на том историческом этапе пошло не так. Но есть в библейской истории еще более удаленная точка, можно сказать, начало начал, когда тоже что-то пошло не так (Быт 3:1–6). Что именно пошло не так, можно выяснить благодаря дальнейшему повествованию. У каждой из библейских книг есть свои акценты, своя проблематика, свои характерные черты, но все они повинуются притяжению одного композиционного магнита, который направляет все притоки в одно русло с той целью, чтобы исправить то, что пошло не так. На пути от Бытия до Откровения мы наблюдаем множество трудных ситуаций, но если рассматривать библейскую историю с высоты последней библейской книги, перед нами открывается широкая, доступная для понимания панорама. Так или иначе мы наблюдаем поступательное движение вперед.

В конце последней библейской книги описываются события, которые напоминают нам о самом начале, описанном в Бытие (Откр 21, 22; Быт 1, 2). Седьмой день претендует на существенную значимость, потому что ему была отведена важная роль в

**ДАЖЕ ЕСЛИ МЫ ТЕРЯЕМ
ИНТЕРЕС К ИСТОРИИ,
ОНА НЕ ПЕРЕСТАЕТ
ЗАДАВАТЬ НАМ
ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЕ
ВОПРОСЫ**

библейской истории от самого начала (Быт 2:1–3); эта роль получила новый импульс в новозаветном повествовании об Иисусе (Ин 1:1; 5:1–9; 9:1–14); и он упоминается по крайней мере в одном видении о конце, которое исполнено надежды на бесконечную жизнь (Ис 66:23).

В силу этого седьмой день несет в себе богословский смысл, выходящий за рамки той усеченной роли, которую он играет в иудео-христианских отношениях. Суть того что седьмой день говорит о Боге, его богословское наполнение по крайней мере

столь же важно, как и его признание или отвержение на путях пересечения иудаизма и христианства.

Причем эти два элемента — один, укорененный в богословии, и другой, проистекающий из истории, — сообщают седьмому дню третье измерение, экзистенциальное, в котором седьмой день говорит на языке бытия здесь и сейчас, обращаясь к человеку, который ищет смысл своего существования, обращаясь ко мне и к вам. Эти три аспекта — история, богословие и бытие — образуют неразрывное целое, однако вызов, брошенный седьмому дню, достигает наибольшей остроты именно в горниле человеческого бытия. Способна ли истина о седьмом дне дать значимые ответы на вопросы, проистекающие из реальности, в которой ныне живет человек? Можно ли назвать его смыслообразующим фактором, способным стать адекватным ответом на стремление современных людей найти цель и надежду?

Даже во времена, когда люди теряют интерес к истории, отодвигая ее на второй план, она все равно наводит нас на экзистенциальные вопросы, на которые невозможно закрывать глаза. Тот же Холокост как историческое событие никогда не теряет своей остроты, заставляя задумываться о самых сложных экзистенциальных проблемах. Что можно сказать о нравственном состоянии мира, в котором было допущено такое событие, как Холокост? Имеет ли смысл говорить о любящем Боге или вообще о Божьем существовании? Означает ли это, что Холокост напрочь лишает смысла все подобные разговоры?

По прошествии одного года после Первой мировой войны, в 1919 году, Уильям Батлер Йейтс написал поэму, в которой дал оценку состоянию человека, пережившего ужасы войны и хаоса.

Все шире — круг за кругом — ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет;
Все рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззакония;

Кровавый ширится прилив и топит
Стыдливости священные обряды;
У добрых сила правоты иссякла,
А злые будто бы остервенились²⁴.

Смысл этого видения — в отступлении; «ходит сокол, не слыша, как его сокольник кличет», все больше удаляясь от знакомого голоса, а основы рушатся и уступают под натиском неведомой силы. Следующий стих звучит еще более зловеще. Злобные пустынные птицы кружат над песками, и сфинкс «с телом львиным, с ликом человеческим», до той поры пребывавший в полной неподвижности, «влачится медленно, скребя когтями». Но прежде чем это происходит, Йейтс, похоже, теряет веру в способность человечества что-либо изменить к лучшему и начинает уповать на спасительное вмешательство извне:

Должно быть, вновь готово откровенье
И близится Пришествие второе²⁵.

Затем он отступает, вдруг обретя утешение в надежде, что человеческая цивилизация, несмотря на свои безобразные изъяны и горькие неудачи, все же на верном пути. В неторопливых и порой разрушительных конвульсиях земной жизни рождается дитя, несущее надежду, потому как взгляды, хоть временами и безрадостные, все же устремлены в верном направлении. Невзирая на нетвердое и неловкое движение вперед и несколько пугающие инструменты, в этом движении применяемые, Йейтс проникается верой — как если бы на него снизошло откровение — в то, что история идет по пути прогресса.

Когда Йейтс написал это стихотворение после Первой мировой войны, во тьме еще мерцала свеча оптимизма. Трудно сказать, заговорил бы Йейтс о своей вере в прогресс, если бы дожил до Второй мировой войны и узнал о Холокосте. В стихотворении под названием «Второе пришествие» он стремится показать, что Первое пришествие принесло разочарование, по

сути дела было иллюзией, потому что «сон каменный двух тысячелетий» разбужен был одним только «кошмарным скрипом колыбели»²⁶.

Характеризуя событие в Вифлееме как неудачу, Второе пришествие Йейтс называет не чем иным, как Первым пришествием, которое осуществится иными средствами, то есть человеческими усилиями, направленными на то, чтобы поднять цивилизацию на более высокий уровень.

И что за чудище, дождавшись часа,
Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?²⁷

На самом деле оценка результатов Первого пришествия зависит от того, с какой меркой к этому пришествию подходить. Как могли люди, заявлявшие о своей вере в Первое пришествие, прямо или косвенно способствовать искоренению с лица земли народа, истории которого посвящен весь Ветхий Завет? Злодеяний, сопровождавших христианскую эру, никак не скрыть, но не стоит думать, что они по определению связаны с Вифлеемом или, если не ограничиваться рамками новозаветного Вифлеема, что человеческая цивилизация в ее нынешнем векторе развития вот-вот сотворит Вифлеем, который не закончится кошмаром.

Разрыв и раскол, случившиеся в первые века христианской эры, наглядно проявили себя в отказе христиан от седьмого дня. Это говорит о том, что на том этапе что-то пошло не так. Подобно Линкольну, «президенту-избавителю», который спас страну и оказал определяющее влияние на толкование Конституции Соединенных Штатов, библейский «Президент-Избавитель» запускает более масштабный проект, призванный собрать воедино рассеянных сыновей и дочерей Божьих (Ис 56:8). Он задает тон, определяет параметры, в которых следует понимать Божественную Конституцию (Мф 5:17, 18, 21, 22, 27, 28), и ставит перед Собой цель восстановить весь прежний порядок вещей (Деян 3:21). Разрыв и раскол определяют

задачу, стоящую перед библейским Избавителем, наподобие той, что была у Авраама Линкольна.

Проблемы, возникшие в результате разрыва в библейской истории и раскола в сообществе верующих, требуют более тщательного анализа и более пристального внимания к истории в целом. Что если человек сам по себе настолько несовершенен, что у него нет никаких надежд на будущее? Седьмой день зазвучит в полный голос и будет услышен всеми, только когда этот вопрос станет главным в человеческой повестке дня. Характер человеческой истории, ее сокровенная суть — это ключевой вопрос, который звучит в первом же упоминании о седьмом дне в Библии (Быт 2:1–3). Поэтому давайте не будем начинать с середины или с вопросов, стоящих перед людьми в XXI веке. Давайте начнем с самого начала.

Примечания

- ¹ Abraham Joshua Heschel, *The Sabbath: Its Meaning for Modern Man* (1951; repr., New York: The Noonday Press, 1975).
- ² D. A. Carson, ed., *From Sabbath to Lord's Day: A Biblical, Historical, and Theological Investigation* (Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1982).
- ³ Ignatius of Antioch, *To the Magnesians*, in *The Ante-Nicene Fathers*, eds. A. Roberts and J. Donaldson (1884; repr., Grand Rapids: Eerdmans, 1987).
- ⁴ Ignatius, *To the Magnesians*, 1:62; J. Rius-Camps, *The Four Authentic Letters of Ignatius, the Martyr* (Rome: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1979), 40–51.
- ⁵ Willy Rordorf, *Sunday: The History of the Day of Rest in the Earliest Centuries of the Christian Church*, trans. A. A. K. Graham [London: SCM Press (orig. German ed. 1962)], 221–222; Robert Sherman, “Reclaimed by Sabbath Rest,” *Int* 59 (2005): 43–44. Ряд исследователей не согласны с тем, что Игнатий Антиохийский всецело ратовал за воскресенье и против субботы; ср.: Fritz Guy, “The Lord's Day in the Letter of Ignatius to the Magnesians,” *AUSS* 2 (1964): 1–

- 17; Samuel Bacchiocchi, *From Sabbath to Sunday: A Historical Investigation of the Rise of Sunday Observance in Early Christianity* (Rome: The Pontifical Gregorian University Press, 1977), 213–218.
- ⁶ Джеймс Кэрролл [James Carroll, *Constantine's Sword: The Church and the Jews* (Boston: Houghton Mifflin Company, 2001)] совершенно уверен в том, что христиане несут большую долю ответственности за процессы, приведшие к Холокосту. Он изобличает идеологию ведущих богословов и последствия, к которым эта идеология привела на практике.
- ⁷ Martin Luther, *On the Jews and Their Lies*, in *Luther's Works* 47, ed. Franklin Sherman, trans. Martin H. Bertram (Philadelphia: Fortress Press, 1971), 305.
- ⁸ По словам Малкольма Хэя [Malcolm Hay, *Europe and the Jews: The Pressure of Christendom over 1900 Years* (Chicago: Academy Chicago Publishers, 1992), 1969], нацисты устроили первый масштабный погром в 1938 году в ознаменование очередного дня рождения Лютера.
- ⁹ Samuel Sandmel, *Anti-Semitism in the New Testament?* (Philadelphia: Fortress Press, 1978), 155.
- ¹⁰ Irving Greenberg, "The Shoah and the Legacy of Anti-Semitism," in *Christianity in Jewish Terms*, ed. Tikva Frymer-Kensky, David Novak, Peter Ochs, David Fox Sandmel, and Michael A. Singer (Boulder: Westview Press, 2000), 25–48; Tod Linafelt, ed., *Strange Fire: Reading the Bible after the Holocaust* (New York University Press, 2000).
- ¹¹ Rolf Rendtorff, in remarks at the *Society of Biblical Literature Annual Meeting*, Philadelphia, November, 2005.
- ¹² Gerhard von Rad, "The Theological Problem of the Old Testament Doctrine of Creation," in *Creation in the Old Testament*, ed. Bernhard W. Anderson [Philadelphia: Fortress Press, 1984 ([original publication of von Rad's in German, 1936)], 53–64.
- ¹³ Norman C. Habel, "Introducing the Earth Bible," in *Reading from the Perspective of the Earth*, ed. Norman C. Habel (Sheffield: Sheffield Academic Press, 2007), 27–28.
- ¹⁴ H. H. Schmid, «Creation, Righteousness, and Salvation: "Creation Theology" as the Broad Horizon of Biblical Theology,» in *Creation in*

- the Old Testament*, ed. Bernhard W. Anderson (Philadelphia: Fortress Press, 1984 [original German essay published in *ZTK* 70 (1973)], 111.
- ¹⁵ Claus Westermann, "Biblical Reflection on Creator-Creation," in *Creation in the Old Testament*, ed. Bernhard W. Anderson (Philadelphia: Fortress, 1984), 92.
- ¹⁶ Wendell Berry, *The Unsettling of America: Culture and Agriculture* (New York: Avon Books, 1977), 108.
- ¹⁷ Paul Tillich, *Dynamics of Faith* (New York: Harper & Row, 1957), 41, 42.
- ¹⁸ Там же, с. 42.
- ¹⁹ Ср.: Milo M. Quaife, Melvin J. Weig, and Ray E. Appleman, *The History of the United States Flag* (New York: Harper & Brothers, 1961), 29.
- ²⁰ «Декларации независимости» от 4 июля 1776 года См.: Bruce Frohnen, *The American Republic: Primary Sources* (Indianapolis: Liberty Fund, 2002), 189.
- ²¹ Tillich, *Dynamics of Faith*, 42.
- ²² Allen C. Guelzo, *Abraham Lincoln: Redeemer President* (Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999).
- ²³ Alexander Solzhenitsyn, *A World Split Apart* (New York: Harper & Row Publishers, 1978), 1.
- ²⁴ William Butler Yeats, "The Second Coming," in *Poem a Day*, ed. Karen McCosker and Nicholas Alberry (Hanover, NH: Steerforth Press, 1996), 458. (Рус. пер.: Г. Кружков.)
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.

Глава 2

НАЧАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал (Быт 2:2).

Трудно представить себе более удачное начало истории седьмого дня, чем то, как оно описано в первой библейской книге: «Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт 2:1–3). Учитывая, как эффектно начинается история седьмого дня, вполне уместно спросить, останется ли это первое впечатление таким же сильным по мере того, как мы будем более тщательно анализировать текст, контекст и связанные с седьмым днем смыслы, которые можно найти в рассказе о творении.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Автор книги Бытие, говоря о седьмом дне, буквально нанизывает одну строку на другую, словно стремясь окружить седьмой день какой-то особой, чарующей аурой, отличающей его от всех прочих дней. Во-первых, автор отнюдь не подвешивает седьмой день в пустоте и не привязывает к какому-нибудь пусть и важному, но не основополагающему явлению в хитро-

сплетениях человеческой истории. Напротив, Бытие устанавливает нерушимую связь между этим днем и фундаментальным событием, положившим начало существованию человека и сотворенного мира в целом¹. Седьмой день — это своего рода «гвоздь» программы сотворения, кульминация творческого процесса. Он появляется на заре истории как первый знак, указывающий на характер и смысл творения. Во-вторых, акт творения следует понимать как исключительную прерогативу Бога. Это отличительный признак суверенного Божьего правления, поскольку человек не способен сотворить что-то из ничего. В-третьих, появление седьмого дня не является случайностью. Этот день неразрывно связан с процессом творения, всецело ему принадлежит и доверяет его. Это день, без которого творение остается в подвешенном состоянии².

Преднамеренность и замысел просматриваются в двух парных высказываниях, в которых видна тщательность в формулировках. В первой из этих пар автор книги Бытие утверждает, что «*совершил* Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и *почил* в день седьмой» (Быт 2:2). Данная фраза сообщает о завершении Божьей творческой деятельности, не приписывая этому завершению какой-либо значимости. Во втором высказывании автор Бытия заявляет: «*И благословил* Бог седьмой день, и *освятил* его» (Быт 2:3). Здесь говорится об особом акте, связанном с седьмым днем. Значимость седьмого дня подчеркивается тем, что Бог сам истолковывает его. Если первая пара выделенных курсивом глаголов обращена в прошлое, то

**СЕДЬМОЙ ДЕНЬ —
ЭТО «ГВОЗДЬ» ПРОГРАММЫ
СОТВОРЕНИЯ, КУЛЬМИНАЦИЯ
ВСЕГО ПРОЦЕССА**

вторая устремлена в будущее и указывает на постоянство. Освятив седьмой день, Бог обозначил границы Своего, Божественного участка в поле человеческого времени.

Библейский текст ясно дает понять, что седьмой день с самого начала был наделен исключительным авторитетом. Божественный замысел и предпринятые Богом меры свидетель-